

Берегите в себе человека

Спектакль этот начинается немного раньше третьего звонка, еще в фойе, начинается своеобразным эпиграфом: на стене цифры оброшенных на блокадный Ленинград бомб и физических спардадов; ниже зипсы — «в ноябре и декабре 1942 года ленинградцы получили по 125 граммов хлеба в день, и рядом — монтаж из многочисленных фотографий, лица ленинградцев той поры. Дети. Старики. Женщины. В глазах горе. Усталость. Голод. Надежда.

И еще одна иллюстрация. Из стареньких вешек с двумя нашками — тоненький кусочек черного хлеба. Те самые 125 граммов.

После этого как-то не хочется педантично констатировать, что такой прием — с порога вводить в атмосферу спектакля индифферент в первом театре, что лавно перестал восприниматься как новация открытая, без занавеса, сцена...

Просто хочется довериться людям, подготавлившим свое сердце к разговору о суровом и трагическом времени. Хочется видеть все глазами тех, кому это адресовано, — юных зрителей.

Измотанная тяжелыми зимами боини рота (это там, на фронте, они были ротой — теперь от нее едва осталось отделение) отведена на отдых в тыл. Пять дней отдыха! Но только отдых этот — в голодом, осажденном Ленинграде.

И боины, некогда не видев-

шие Ленинград, но еще до войны знавшие его по рассказам, любившие этот город-легенду с прямыми, как стрела, людскими проспектами, со знаменитыми памятниками, с гармоничной, как поэзия, архитектурой, — увидели засыпанные снегом тесные улицы, тени, бредущие по протоптаным в снегу тропинкам и Исаю, за водой; увидели разгружающихся на кладбище грузозвонки... Увидели смерть...

Смерть? Тема жизни и смерти в спектакле ТЮЗов «Алексей и Ольга» по пьесе И. Герасимовой, режиссер Л. Белов, художник К. Лютицкий) прослеживается, исследуется авторами в самых разных проявлениях, в самых, казалось бы, неожиданных поворотах. Спектакль все время строится на этих двух параллелях.

...С болью, с тоскою прилипающие в последний раз к грубым солдатским шинелям матерей, чехов — на фоне кладбищенских крестов.

В доме, где живет Ольга, отголоском дня вчерашнего, воспоминанием о нем — лестница-призрак, нелепо обрвавшаяся, как шумевшая здесь когда-то звонница, праздничная доверенная жизни. И рядом день сегодняшний: тиски, ставшие вдруг огромными, черные, законченные колонны, грозящие раздавить, похоронить маленькую, шатающуюся от голода фигурку.

...Образ Афродиты, пришедшей на память Алексею, когда он впервые увидел Ольгу. И се-

ма камешная богиня, разбитая, показавшаяся...

И самая главная из этих параллелей, самая важная для понимания спектакля. На кладбище, куда один за другим едут завоженные грузовики — то с Васильевской, то с Петровградской сторони, — где люди уже почти спокойно, почти привычно говорят об этом, потому что это их работа, — бродит старушка, отдавшая и сегодняшний, и завтрашний свой паек (все, чем еще можно поддержать жизнь) за нелепую, отдельную могилу для умершего. Потому что тот, кто умер, очень много сделал при жизни для людей: одних только книг написала более 40. И когда все это кончится, тем, другим, живым, очень нужно будет познать о нем.

Эти естественные, ежесекундные столкновения живого и мертвого мы словно видим глазами солдата Алексея Казанцева, вчерашнего студента-историка. Там, на фронте, все было понятно: вот снай, в вот враги. И четыре шага до смерти там тоже понятны. Но ведь это — ты! И не солдаты перед ним — старики да женщины.

Первый порыв Алексея (засл. арт. РСФСР В. Гарин) совершенно с ней и бросается на вырубку. А потом прилаживает ее в театр, а потом бродит с ней по городу. И, когда понимает, что полюбил, просит стать его женой. И опять, по-мальчишески заволевовавший и торжественный, стоит с ней перед столом регистратора в загсе. Хотя в этом загсе уже

много месяцев выдавали только справки о смерти. Хотя в казарме уже был получен приказ: выступать. Подчеркнутая будничность, простота, ответственность что-то, поведения его героя для актера имеют принципиальное значение. Его Алексей не совершает ничего выдающегося. Просто в чрезвычайных, в страшных обстоятельствах он остается самим собой. Остается человеком со всеми естественными, человеческими движениями души. И в этом для В. Гарина главное.

В этом ключ ко всему спектаклю. Потому что тему, которую В. Гарин, продолжает, варьирует другие. Не хлебом единым... И солдат Воеводин (арт. В. Ипполитов), сначала просто злой и голодный (было бы только чем брюхо набить!), а последние минуты перед уходом на фронт, сбросив нелепые шинели и шинель, мучительно торжась, ахает пишет письмо любимой, самую мысль о которой хотел выкрикнуть, забыть. И Шустов (арт. Г. Шустер), только что до истеричи кричавший из-за жалкой своей палки, первым прочитывает Ольге, провожающей их на фронт, горсточку сахара — все, что имеет.

Нет в этом спектакле заводских нехвов, где голодные, измученные ленинградцы латали танки, пришедшие прямо с фронта. Нет улиц, где они расчищали после каждого артобстрела завалы, чтобы не парализовались движением трамваев... А

как же подвиг? В чем он? Когда я задаю себе этот вопрос, то вспоминаю четверку мужественных советских солдат — Зиганшина, Поплавского и их товарищей, унесенных на барже в открытый океан. В

каждом из них заключалась их подвиг? Наверное, в том, что оторванные от мира, обреченные на голод, холод, на единоборство с океаном, на пределе человеческого сил и возможностей, они остались людьми, сохранили коллектив, сохранили человеческое достоинство, а потому сохранили и жизнь, свою и товарищей. Герои Джека Лондона в подобных ситуациях порою уподоблялись волкам...

И спектакль «Алексей и Ольга», в конечном итоге, не о любви Алексея Казанцева и Ольги Кошкиной. Вернее, не только о любви. Спектакль о жизни, которая сильнее смерти. О том, что все, что есть, не одолеть, если каждый будет очень стараться уберечь ее в себе и в ближнем. Уберечь в себе и ближнем живого человека: его достоинство и доброту, душевную чистоту и способность любить, удивляться, мечтать, слушать весенний дождь и видеть голубые звезды.

И подвиг ленинградцев, переживших 900 страшных дней, в том, что они не позволили убить в себе человеческого; они жили для завтрашнего, для живого. Жили так, как свойственно человеку: любили, стра-

дали, жили, рожали, свято берегли память о погибших, делали последние куском. И победили. Спектакль ТЮЗов обращается к сегодняшним восемнадцатилетним:

Берегите в себе человека!

Я слышала отзывы об «Алексее и Ольге» как среднем, «среднотонном» спектакле. Не стану спорить: у Л. Белова бывали работы и ярче этой. Но мне покажется важным проследить, как последовательно ведет постановщик избранную им тему, и поддержать его выбор.

М. ЗЕЛЕНСКАЯ.

На снимке: сцена из спектакля «Ольга» — арт. Н. ДЕМИН, А. АЛЕКСЕЕВ — засл. арт. РСФСР В. ГАРИН. Фото Н. Соницовой.